

Глава девятнадцатая. Возвращение

Зелёные огоньки исчезли, а звёзды в небе остались!

Забава встала рядом со мной, держась за руку

— Принц! — вскрикнула она и, обняв меня, целовала жаркими, с привкусом шоколада, губками.

Мы стояли у ворот Тридесятого Государства!

Стража разглядела нас раньше, чем мы поняли, где мы, и из распахнутых ворот уже бежали к нам: Карла, Шемаханская, Людмила, Руслан, Царевна-Лягушка, София и Тугарин.

А в воротах стояла Несмеяна.

Забава рыдала в объятиях Карлы и Шемаханской.

София обнимала меня.

Тугарин, рот до ушей, стоял рядом с Царевной-Лягушкой, смотревшей на принца, со слезами на глазах.

Людмила и Руслан подошли к принцу.

Руслан пожал мне руку. Людмила вся светилась. Но у меня было ощущение, что больше всех рада моему возвращению Несмеяна.

— «Странно! С чего бы это?»

— Ну, принц! Роман свет Григорьевич — Карла тряс мои руки — Проси, чего хочешь! Полцарства проси! Отдам за Забаву!

Мне показалось, что я слышу, как перешёптываются звёзды в Млечном Пути!

— Может быть теперь согласишься взять Забаву в жёны?

Показалось, что тишина зазвенела.

— Васса, невеста твоя, царица Тридевятого, рога тебе наставила с Водяным!

Всё поплыло перед глазами, и я бы упал, но меня поддержал Руслан

— Зачем ты так, Карла Петрович? — с укором молвила Людмила — Ведь он Забаву спас.

Но с Карлы, как с гуся вода!

— Так что, принц! Что скажешь? — Карла всё ещё сжимал мои руки в своих.

— Дядя — Забава нежно гладила меня — Дядя, пусть принц отдохнёт, в баньке помоемся.

Потом и поговорите.

— И то верно, Забавушка. Людмила...

— Нет!

Я не заметил, как подошла Несмеяна.

— Нет, Людмила! Ты готовь стол, а принцу я спинку потру! — царевна подхватила меня под руку — Идём, Роман свет Григорьевич. Банька у нас всегда натоплена!

— И я хочу в баньку! — Забава надула губки

— Ну так идём! — усмехнулась Несмеяна, увлекая меня.

— Забавушка! — растерялся Карла — Ты девица незамужняя, нельзя тебе с мужчиной в баньку. Чего недоброго ошпарит тебя банник кипятком...

— Не посмеет! — ответила Забава, следуя за мной — Он обязан принцу, за братца своего! Да все здесь, принцу, обязаны!

Предбанник и сама банька освещались шаровыми молниями и света было достаточно, чтобы

я мог разглядеть Несмеяну, а она меня.

И она разглядывала! Безо всякого стеснения!

Забава тоже пялилась!

Банник из-под полка не показывался.

У меня стоял, но при Забаве, приставать к Несмеяне, я постеснялся.

Мы с Забавой отмывали дорожный пот, немного попарились, а Несмеяна постирала мою одежду: трусы, шорты и тельняшку.

Когда вышли в предбанник, на лавочке лежали три исподние рубахи.

Пока обсыхали, я спросил у Несмеяны — Откуда весть про измену Вассы?

— Водяной растрепал — ответила царевна

Забава гладила меня — Принц, ты сильно не горюй. Водяной, то ещё трепло. Можя ничего и не было, а... — она смотрела на Несмеяну.

Но царевна промолчала.

Во дворец Карлы, на ужин, мы пошли, как есть: босиком и в исподних рубахах.

Нас ждали. Стол накрыт. Чарки наполнены мёдом.

Карла провозгласил здравие за меня, и мы выпили.

Ужин был лёгкий: запечённая рыба да брусничный напиток.

После второй чарки, Карла опять обратился ко мне

— Принц, моё предложение в силе!

Мёд туманил голову, и я ответил — Утро вечера мудренее. Завтра, Карла Петрович.

— Завтра, так завтра. Отдыхать, Роман Григорьевич, можешь в моём дворце.

— У меня отдохнёт! Роман Григорьевич — Несмеяна взяла меня за руку, и я увидел, как надула губки Забава.

Но мёд и усталость притупили чувства, и я пошёл с царевной.

Терем Несмеяны стоял рядом с дворцом Карлы. Стражи у крыльца не было. Мы поднялись по ступеням и вошли внутрь. Также, как и у Карлы, внутренние помещения освещались шариками молний.

Несмеяна провела меня в гостевую комнату и старичок, мерявший её из угла в угол, спросил — Это кого ты привела, доченька?

— Доченька?!

Я, в немом изумлении, переводил взгляд со старичка на царевну.

Наверное, я выглядел очень глупо: Несмеяна рассмеялась!

Старичок тоже разулыбался беззубым ртом.

— И чему ты так поразился, принц?

— Я слышал, что царя-батюшку держит Карла в башенке, да ещё и под заклятием...

— Меняаа?! — изумился папенька Несмеяны

— Батюшка, принц устал. Ему поспать бы

— Нет, постой доченька! Мил человек, кто тебе такое сказал?

— В Тридевятом сказали

— А кто?

— Да я уж и не припомню

— Несмеяна, а ведь ты, давеча, смеялась! — старичок воззрился на царевну — Вот и жених!

— Папенька, на этого жениха уже столько невест навешали, что мне и прицепиться не за что!

Царь, с выражением сожаления, жевал губами

— Батюшка, я отведу принца в спальную избу. Он на ногах едва держится
— Спокойной ночи! — ответил старичок, меряя комнату шагами из угла в угол.

Глава двадцатая. Несмеяна

Несмеяна, держа за руку, провела меня в спальную избу.

Спальня Несмеяны была устроена точно также, как и во дворце у Вассы. И засовы на двери, и два оконца зарешёченных, и кровать, и столик у окна, и...

На столике лежала скатёрка!

Я подошёл и развернул её

— Это твоя? А мне говорили в Тридевятом, что двух не бывает

— Это твоя! — Несмеяна, приобняв меня со спины, щекотала дыханием шеи

— Как! Откуда?

— Акулина

— Когда?

— Сегодня четвёртый день доходит

— Опять нелинейность — бормотнул я вполголоса

— Что? — она прижималась грудью, а руки скользили по моим плечам

— Я от скатерти узнавала, жив ли ты!

— Она говорящая?

Несмеяна хохотнула — Ты определённо подходишь! Опять рассмешил!

— Ты заказывала ей еду?

— Ну конечно же, Рома! — Несмеяна тянула меня к кровати — А она не давала!

— А ты?

— А я, дам! — и она толкнула меня

— Давай оботру твои ноги — царевна держала в руках вышитый рушник

— Обтирай!

Несмеяна встала на колени и обтёрла рушником мои ноги. Потом свои и легла рядом.

Видимо я начал засыпать, но она растормошила меня, стягивая исподку. Я поднял руки и сжал её бёдра.

Швырнув на пол мою исподку, Несмеяна стягивала через голову свою и, когда колыхнулись налитые груди, сон, как рукой, сняло!

— Иди ко мне!

Она откинулась на спину и раздвинула ноги.

Я провёл ладонью по волосам лобка и, раздвигая срамные губы, нащупывал клитор кончиком языка. Её руки лежали на моей голове — Продолжай!

Вылизывая нежные, как желе, гимены я хотел протолкнуть язык во влагалище...

Несмеяна была девушкой!

Я замер.

— Продолжай!

Но я не мог!

— Мне такое про тебя наговорили!

— Всё блядь!!* — удерживая мою голову между ног, Несмеяна приподняла их и опустила пятки на мою спину — Продолжай!

Я ласкал губами маленький и едва осязаемый клитор, а она, извиваясь и выгибаясь подо

мною, вдавливая пятки в поясницу.

Несмеяна приподняла мою голову — Теперь жопу! — и перевернувшись на живот и согнув ноги, выставила жопу. Я лизал ложбинку и колечко ануса, я лизал шелковистую кожицу промежности, вдавливая кончик языка в ямку чуть ниже ануса, и возбуждался всё сильнее и сильнее, и наконец, она, подавшись вперёд, перевернулась и легла на спину, и потянула меня на себя. Девушка вся пылала и судороги передёргивали её тело, а дыхание, прерывистое и хриплое, высоко вздымало грудь, и...

Я замер над нею в нерешительности...

Она притянула мою голову и, целуя, выдохнула — Выеби меня!

И я погрузился в девственное лоно и ебал её, стонущую и извивающуюся подо мною!

— Глубже! Рома, глубже! — она волнами выгибалась подо мной.

— Я весь в тебе! — не прекращая ебать, ответил я

— Вот! — на её ладони стебелёк ведьминой травки

— «Значит не ведьма! Но тогда откуда?» — и я слизнул травку.

Несмеяна застонала, и продолжая выгибаться встреч моим толчкам, впилась пальчиками в кожу на спине... и кончила!

Она лежала расслабленная, с закрытыми глазами, раскинув руки и раздвинув ноги, а я ебал и ебал её, пока стоял хуй!

Мы проснулись одновременно и сплели объятия. Несмеяна не просила глубже и через несколько минут бурного секса, мы, одновременно и кончили!

*Блядь (стрсл.) — ложь

Глава двадцать первая. Царь!

Под окном, с улицы, окликнула Людмила — И долго вы там, любовнички, будете миловаться? Карла Петрович ждёт!

Несмеяна села — Хочешь писать?

— Я сам!

Достав из-под кровати горшок, поссал.

Царевна, с улыбкой, смотрела.

— Ты тоже? — я поставил горшок на пол

— Да! — она встала — Только не смотри!

— Хорошо! — и я смотрел

Закончив и задвинув горшок под кровать — Вынесу позже. Прав батюшка: ты подходящий жених. Снова рассмешил!

Она подошла к окну — Людмила, принеси принцу его одежду. Высохла уж поди

Несмеяна села на кровать — Женись на Забаве, Рома!

— У меня же Васса, невеста!

— И на Вассе женись!

Несмеяна была серьёзна, и я сел рядом.

В дверь постучали.

— Войди, Людмила, не заперто!

Людмила вошла и, увидев нас голыми, опустила глаза. В руках она держала мою одежду.

Несмеяна встала и, взяв из её рук одежду, вернулась к кровати и подала мне.

Людмила вышла, прикрыв дверь.

Я оделся.

— А с тобой, как быть?

— Возьмёшь в наложницы...

Она была серьёзна

— Что-то я не припомню, чтобы в русских народных сказках были двоеженцы! И гаремов не припомню!

— Значит сказку эту ещё не сложили!

Теперь Несмеяна улыбалась

— Бери Забаву в жёны, Рома. Не прогадаешь!

Что-то она не договаривала.

Я вышел.

На крыльчке стоял царь, и щурился на солнце.

— Здравсьте! — сказал я на ходу, сбегая по ступенькам

— Постой! Ты спал с Несмеяной?

Я испытал чувство стыда. Даже щёки запылали.

— Спааал! Ээх, молодёжь! Высечь бы вас! Да при всём честном народе. Срам!

Царь отвернулся от меня и бормоча под нос, ушёл.

Карла и Шемаханская ждали меня у крыльца своего терема.

Ворота были распахнуты и Емеля, с зажатой под мышкой щукой, травил очередную байку стражам.

Я вспомнил, что хотел поговорить с Емелей и махнув рукой Карле, направился к воротам.

— Здорово, братцы!

— Будь здоров, боярин! — ответил Емеля

— Ей не жарко на солнышке?

— Привычная! — осклабился Емеля

— Та самая?

— А давай у неё и спросим! — Емеля приподнял щуку

— Та самая!

Щука разевала зубастую пасть и слова исходили из её утробы.

— Емеля, мне бы переговорить с тобой

— Говори! — он сунул щуку под мышку

Я взглянул на стражей — Конфиденциально!

— Ась?!

— Давай отойдём! — я глянул в сторону баньки

Дверь предбанника была открыта, я зашёл и сел на лавку. Емеля рядом.

— К тебе Несмеяна не обращалась за помощью по интимным вопросам?

Емеля разинул рот — Боярин, я тока одно понял: Несмеяна и помощь, а больше... — он помотал кудлатой башкой — Ни хрена!

— Как бы это выразиться?! Ты у щуки, что-то просил для Несмеяны?

Емеля прищурился с хитровой улыбкой — Ну, было дело, пару раз помог царевне

— А о чём она просила?

— Ээ, брат! — Емеля встал, хлопнув меня по плечу — Врачебная тайна!

Мы вышли.

Емеля направился к воротам и стражам при них. Щука, у него под мышкой, разевала зубастую пасть и обмахивалась хвостом. А я подошёл к Карле и Шемаханской.

Мы поздоровались.

Карла, как обычно, был в хорошем расположении духа. Взгляд Зюльфиры кольнул ревностью.

— Что скажешь, Роман свет Григорьевич?

Я стоял в задумчивой нерешительности. Прошедшая ночь не привнесла ясности.

— Да не думай, чего непотребного, принц! Откажешься, голову рубить не стану! Ты, теперича, герой! Настоящий! Не ЛГэшный.

С крыльца сошла Забава и подошла к нам.

При виде её милого личика и широко распахнутых голубых глаз, что-то перевернулось во мне.

— Согласен! Беру Забаву в жёны!

Карла и Шемаханская так и застыли, а Забава сошла с лица и упала в обморок. И брякнулась бы оземь, да подошедший Тугарин подхватил девушку.

Но Карла быстро опомнился

— Принц! — он обнял меня, отстранился, заглянул в глаза — Прости, Роман свет Григорьевич, за то, что подверг тебя таким испытаниям. Голову рубить тебе я и в первый раз не собирался. Это было испытание, и ты справился. И в этот раз ты справился, хотя испытание было запредельным. И теперь — он взял руку Забавы и вложил в мою руку — Объявляю вас мужем и женой. Живите в любви и согласии. Деток рожайте да царством управляйте!

Лица Шемаханской, Забавы и Тугарина вытянулись, а до меня не сразу дошёл смысл последней фразы.

Карла выдержал паузу, ожидая, когда подойдёт Несмеяна и закончил — Обещал я в награду полцарства, а отдаю всё! С этого дня и часа сего, ты, Роман свет Григорьевич — царь!

Конец четвёртой части

13.07.17